

DOI: 10.25178/nit.2026.1.8

Статья

Концепт *тау* 'гора' в традиционной культуре карачаево-балкарцев: словоформы, идеи, социальная регуляция

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье анализируется концепт «тау» 'гора' в карачаево-балкарской этнической культуре. Для исследования автор опирается на подход концептуализации этнокультуры, предполагающий изучение концепта в трех аспектах: как словоформу, идеи и социальную регуляцию.

Концепт «тау» рассмотрен тем самым, во-первых, с лингвистической точки зрения. Проанализированы дефиниции слова «тау», его дериваты, выявлены, структурированы вербальные единицы, соотносящиеся с геоморфологическим признаком горы, отражающим общее представление о горе, языковые средства, репрезентирующие горные формы. Рассмотрен аспект концепта-идеи: особенности рефлексии горы в культуре в разных контекстах: мифологическом, религиозном, духовном.

Эти смыслы, которыми карачаевцы и балкарцы наделяли горы, а также свое отношение к ним, определяли особые формы хозяйственной, ритуальной, общественной жизни людей гор. Социальная регуляция концепта выражалась в целом в формировании морально-нравственного кодекса поведения представителей этноса.

Исследование показало, что гора занимает приоритетное положение в жизни карачаево-балкарского народа, представляет собой многогранный географический объект, соотносящийся с системой взглядов, ценностей, традиций этноса, обуславливающих регуляцию социальных отношений в суровых природно-климатических условиях.

Ключевые слова: концепт; тау; карачаевцы; балкарцы; концепт культуры; концепт-идея; социальная регуляция

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

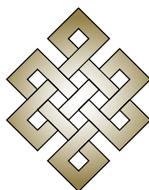

Для цитирования:

Башиева С. К. Концепт *тау* 'гора' в традиционной культуре карачаево-балкарцев: словоформы, идеи, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 151-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.8>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

BASHIEVA, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russian Federation. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

The concept *tau* 'mountain' in the traditional culture of the Karachay-Balkars: word-forms, ideas, social regulation

Svetlana K. Bashieva

Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

The article analyzes the concept of *tau* 'mountain' in Karachay-Balkar ethnic culture. The study is based on an approach to the conceptualization of ethnoculture that presupposes examining the concept in three aspects: as a word-form, as an idea, and as a form of social regulation.

Accordingly, the concept *tau* is considered, first, from a linguistic perspective. Definitions of the word *tau* and its derivatives are analyzed, and verbal units correlated with the geomorphological feature of the mountain, which reflects the general notion of a mountain, are identified and systematized, along with linguistic means that represent mountain forms. The aspect of the concept-as-idea is examined through the specific features of the reflection of the mountain in culture in various contexts: mythological, religious, and spiritual.

These meanings with which the Karachays and Balkars endowed mountains, as well as their attitude toward them, determined specific forms of economic, ritual, and social life of mountain people. Social regulation of the concept was expressed overall in the formation of a moral and ethical code of conduct for members of the ethnic group.

The study shows that the mountain occupies a priority place in the life of the Karachay-Balkar people and constitutes a multifaceted geographical object correlated with a system of views, values, and traditions of the ethnos, which condition the regulation of social relations under harsh natural and climatic conditions.

Keywords: concept; *tau*; Karachays; Balkars; concept of culture; concept-as-idea; social regulation

---

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 45).

For citation:

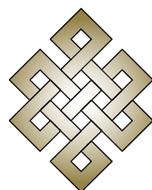
Bashieva S. K. The concept *tau* 'mountain' in the traditional culture of the Karachay-Balkars: word-forms, ideas, social regulation. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 151-165 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.8>

Введение

Природа играет значимую роль в жизнедеятельности человека. Она получает различные характеристики людей, чаще всего положительные, многообразие которых отражает специфику мироощущения, категоризации географических объектов. На наш взгляд, широкое научное поле для понимания особенностей кодирования ландшафта представляет такая пространственная структура геосистемы, как гора, главным отличительным свойством которой является противопоставленность другим географическим объектам выпуклостью, возвышенностью. Она издревле является предметом поклонения людей.

Этническая культура карачаевцев и балкарцев настолько тесно связана с горными географическими условиями, что они называют себя *таулу* — в переводе с карачаево-балкарского языка 'горец'. Согласно преданию, которое было опубликовано М. К. Абаевым в 1911 г. в историческом очерке «Балкария» в журнале «Мусульманин», это самоназвание появилось следующим образом:

...«в прежние времена ущелье реки Черека было покрыто дремучим лесом с небольшими открытыми полянами. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в это ущелье один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого звали себя “таулу” (в переводе — горец) Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род» (см.: Абаев, 1992: 6).

Другое объяснение эндоэтнониму *таулу* дает специалист по истории Кавказа В. А. Кузнецов. Он обращает внимание на то, что ученый-энциклопедист 2-й половины IX — начала X века Ибн-Даст, «описывая земли хазар, отметил: «...это страна обширная, одною стороною прилегающая к великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут Тулас и Лугар, и которые простираются до Тифлисской страны» (Кузнецов, 1962: 73). В. А. Кузнецов утверждает, что в этническом наименовании *тулас* виден «корень “таули” (тюркск. “горцы”) — самоназвание современных карачаевцев и балкарцев в письменных источниках» (там же: 73).

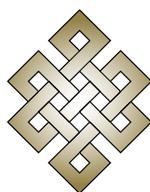
Современные карачаевцы и балкарцы — единый народ — «осколок 200-миллионного конгломерата тюркских народов, растянувшихся от Турции до Якутии»¹. Он издревле живет по обе стороны Эльбруса, высочайшей горы Европы, в долинах рек Терек, Баксан, Чегем, Малка, Кубань, Зеленчук, которые берут начало из горных ледников, в местах, богатых флорой, фауной. Этот факт закрепился в пословице *Таулу тауда ач болмаз* ‘Горец в горах не будет голодать’. Помимо Эльбруса, следует назвать Главный Кавказский, Скалистый, Лесистый, Меловый, Боковой хребты, а также вершины, высота которых более 5 тысяч метров (горы-пятитысячники): Эльбрус, Шхара, Дых-тау, Коштан Тау, Джанги тау, пик Пушкина, Мижирги. Полагаем, что эндоэтноним *таулу* обусловлен тем, что образ природы в картине мира карачаевцев и балкарцев связан с большим количеством, разнообразием гор на территориях их проживания, отразившимся в широком контексте в языке, культуре, социальных отношениях, то есть в многочисленных репрезентациях окружающей действительности, в которых запечатлены национально-специфические представления этноса, начиная с древнейших времен. Как образно отмечает В. А. Кузнецов, «специфические условия географической среды и исторического процесса обусловили необычайную этническую пестроту Кавказа и превратили его в «гору языков и народов» (Кузнецов, 1962: 12), повлияли на хозяйственную деятельность этносов, в том числе карачаевцев и балкарцев. Безусловно, такое определение региона нашло отражение и в «языке горы», в котором представлены локальные и универсальные лингвокультурные особенности концепта *тау* ‘гора’, эксплицированные в устном народном творчестве, публицистических, художественных текстах, различных ритуальных действиях.

Цель статьи — междисциплинарный анализ концепта *тау* ‘гора’ в карачаево-балкарской этнической культуре, а также решение сопряженных с ней таких задач, как: 1) систематизация и классификация языковых единиц, обозначающих различные характеристики горы и смежных с ней географических объектов; 2) изучение концептов-идей этноса, воплотивших многочисленные черты горы; 3) отражение результатов постоянной рефлексии горы в социальной практике.

Теоретико-методологическая база. Механизмом объективации любого концепта является язык, поэтому ключ к осмыслению результатов когнитивной деятельности людей находится в вербальных средствах, в которых сосредоточены «сгустки культуры в языковом сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 1997: 40). В работе использован методологический подход к исследованию этнокультуры Ч. К. Ламажаа — концептуализация этнокультуры, который «ориентирован на дискурс западной культурной антропологии, но тем не менее основан на российской тезаурусной концепции субъектного знания» (Ламажаа, 2023: 8). В соответствии с ним концепт *тау* рассматривается как концепт культуры, включающий концепт-словоформу, концепт-идею, концепт-регулятор социальной жизни, в рамках которых рассматриваются языковые средства, репрезентирующие различные формы, признаки горы, обусловленные воздействием внутренних и внешних факторов (геологические процессы, осадки, ветер, климат и др.), отражение специфики мировидения людей в идеях, влияние гор на регуляцию их социальной жизни.

Объектом исследования является концепт *тау* ‘гора’ в карачаево-балкарской этнической культуре, предметом — аспекты концепта, выраженные в лексике языка (концепт-словоформа), в смысловом

¹ Семенов И. К. Известия дореволюционных авторов как источник изучения социально-экономического развития карачаевцев и балкарцев в пореформенный период: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Карачаевск, 2000. С. 3.

содержании концепта (концепт-идея), во влиянии концепта на деятельность людей (концепт — социальный регулятор).

Междисциплинарный подход к анализу концепта культуры, который начинается с анализа лексики и распространяется на изучение ценностных пластов культуры и сферы социальных действий, позволяет опираться на широкий круг источников. Эмпирический материал включает лексические, фразеологические, паремиологические, мифологические единицы, извлеченные из толковых, этимологических, географических словарей, фольклорных, художественных, научных, публицистических текстов, сборников пословиц и поговорок, этического кодекса «Ёзден адет» и др.¹

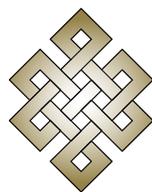
Обзор литературы

Горы стали предметом научных изысканий в постоктябрьский период, хотя интерес к горам-пятитысячникам начали проявлять в первой половине XIX в. как альпинисты, так и ученые Российской Императорской академии наук.

В 1934 г. по инициативе А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилова, Г. М. Франка, А. А. Лебедева и др. ученых Академией наук СССР, Всесоюзным научно-исследовательским институтом экспериментальной медицины 50 чел. в составе Эльбрусской высокогорной комплексной экспедиции начали проводиться первые физические и биологические исследования в условиях высокогорья. По мнению М. Ч. Залиханова, выбор горы в качестве объекта изучения был не случаен: «район Эльбруса представляет собой созданную самой природой прекрасную естественную лабораторию с большими перепадами высот, температуры, атмосферного давления» (Залиханов, 2020: 6). В исследованиях участвовали также ученые союзных республик: рядом с обсерваторией АН СССР были построены станция по исследованию космических лучей АН Грузинской ССР, физиологическая лаборатория АН Украинской ССР (Залиханов, там же: 668). С 1961 г. исследования проводят сотрудники Высокогорного геофизического института, созданного на базе Эльбрусской экспедиции, в рамках таких научных направлений, как физическая география, геохимия ландшафтов, биология, экология, в которых рассматриваются проблемы, связанные с природными и антропогенными процессами в ареале (изменение климата в высокогорных районах, таяние ледников, разрушительные обвалы, оползни, камнепады, сели, загрязнение горных территорий и др.). Кроме того, при Президиуме Кабардино-Балкарского научного центра РАН в 1995 г. был открыт отдел географии на базе Северо-Кавказской научной географической станции Института географии РАН (с 2011 г. — Центр географических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН), одним из научных направлений которого является проблема природопользования в горных регионах.

В последние годы горы рассматриваются как объекты, обладающие природно-рекреационным потенциалом, чаще всего в контексте развития туристического бизнеса, в том числе медицинского туризма. В частности успешно функционируют Эльбрусская учебно-научная база Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (с. Эльбрус), гляциологический стационар Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (с. Эльбрус), Баксанская нейтринная обсерватория (п. Нейтрино) и др. научные учреждения, в которых проводятся фундаментальные исследования по физике, астрофизике, метеорологии, экологии, биологии, медицине, гляциологии.

¹ Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др.; сост. Т. А. Боровкова и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Ғылым» баспасы, 2016; Къарачай-Малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. А-Ж. Нальчик: «Эль-фа» Китап Басма, 1996. Т. I; Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. З-Р. Нальчик: ЭЛЬ-ФА Китап басма, 2002. Т. II; Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гузеев. Ючтомлукъ. С-Я. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. Т. III; Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980; Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984; Къарачай-малкъар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994; Ёзден адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005; Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996; Къарачай-малкъар нарт сёзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018; Къарачай-малкъар нарт сёзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. Х. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005; Малкъар нарт сёзле [Балкарские пословицы] / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982; Малкъар халкъ жомакъла [Балкарские народные сказки] / сост. М. Я. Гузиева. Нальчик: Эльбрус, 2005.

Что касается работ в области гуманитарных наук, то можно говорить об исследованиях, посвященных культуре гор, практикам поклонения им в различных этнических культурах (Потапов, 1946; Агларов, 1984; Семенов, 2010; Джуртубаев, 2011; Сефербеков, 2015; Батомункуева, 2019 и др.).

В карачаево-балкарской филологии результаты вербального выражения перцептивного, мировоззренческого, прагматического содержания горы как социокультурного объекта отражены недостаточно, в частности актуализированы такие аспекты, как особенности репрезентации орфографической лексики, структурно-семантические характеристики горы, специфика ее концептуализации в топонимической картине мира, объективация концепта «Тау» в эпосе «Нарты», вербализация этнокультурной информации в номинациях географических объектов и др. (Ахматова, 2015; Мусуков, Улаков, Махиева, 2021; Хуболов, Текуев, Ахматова, 2024; Башиева, Бахтикиреева, 2025).

Перечисленные аспекты являются различными ракурсами этнического восприятия и осмысления горы и требуют более широкого подхода. Гора представляет интерес в значительной степени как междисциплинарный культурный объект, что обусловило наше обращение к теме настоящей статьи.

Лексика, репрезентирующая горный ландшафт (концепт-словоформа)

Лексика горного ландшафта представляет собой совокупность слов, обозначающих характеристики земной поверхности (высота, покров, особенности почвы и др.). В результате выборки, систематизации языковых средств, эксплицирующих концепт *тау*, мы получили большой пласт, отражающий многогранный горный локальный семантический контекст.

Карачаево-балкарская лексема *тау* восходит к древнетюркскому слову *тау*¹. Фонетические варианты в других тюркских языках *тав*, *таг*, *туу*, *тоо*, *тай*, *тей*, *даг*, которые во всех источниках, как отмечает Э. В. Севортыан, определены как 'гора', 'горы', также зафиксированы следующие значения: 'горная цепь', 'холм', 'возвышенность', 'высота', 'хребет гор', 'скала', 'снежная горка'².

В карачаево-балкарском толковом словаре лексема *тау* представлена в значении: *тёгерекде жерлени барындан да иги кесек бийик жер* 'место, выделяющееся по высоте от других мест'³. С семантикой лексемы *тау* связаны такие слова, словосочетания, как *таулу* 'балкарец' (самоназвание), 'горец, человек, живущий в горах', мужские личные имена Таумурза 'горский мурза', Таубий 'горский князь', Таусолтан 'горский султан', Таубай 'горский богач', Таулу 'горец', Таукъан 'горская кровь', Таулан/Тауулан 'горный юноша', Таукъуш 'горный орел', женские личные имена Таужан 'горная душа', Таугюл 'горный цветок', отыменные фамилии Таулуев, Таумурзаев, топонимы Таулан 'горный юноша', Бештау 'Пятигорск', Джинтау 'место обитания чертей', Къушлу тау 'орлиная гора', Къаишхатау 'лысая гора', зоонимы тау джумарукъ 'горная куропатка', тау къуш 'горный орел', тау жугътур 'горный тур' и др. Здесь отметим то, что в регионе лексема *таулу* используется и как синоним слова «кавказец», который понимается как лингвокультурный типаж, аккумулирующий «укоренившиеся маркеры этничности» народов Кавказа (Бижева, Макитова, Мокаева, 2024: 430).

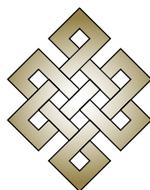
При систематизации и анализе эмпирического материала, в котором отражены горные формы, в качестве ядра концепта определена лексема *тау* с дифференциальным признаком горы 'выпуклость'. К околядерной зоне отнесены синонимичные языковые единицы, отражающие различные выступающие, округлые формы рельефа: *азау* 'перевал (бук. зуб, клык)', *бармакъ* 'пик, острая вершина' (букв. палец); *тик* 'склон, косогор'; *тёпте* 'вершина, бугор, сопка, холм' (букв. макушка, темя, голова)⁴; *тёбе* 'холм, небольшая горка, бугор'; *дептан* 'небольшая горка', *дуппур/туппур* 'небольшая горка, бугор', *сырт* 'склон' (букв. спина), которые уточняют характеристики горы.

¹ Древнетюркский словарь / под ред. Д. М. Насилова, И. В. Кормушина и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: «Гылым» баспасы, 2016. С. 558.

² Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на «В», «Г» и «Д» / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. С. 118.

³ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Ючтомлукъ. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. Т. III. С. 398.

⁴ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 393.

Среди горных апеллятивов следует выделить соматизмы *аяк* 'нога' → подножье: *Къаргъа аяк* 'воронье подножье' (букв. воронья лапка); *баш* 'голова' → вершина: *Абай башы* 'вершина Абая' (букв. голова Абая); Абай — собств. имя), *бет* 'лицо' → склон: *Къара бет* 'черный склон' (букв. черное лицо); *жух* 'морда' → выступ: *Къыбыдын жухла* 'защищенные выступы' (букв. защищенные морды); *бармак* 'палец' → пик, вершина: *Ырау бармак къая* 'чертова скала' (букв. палец черта), *сырт* 'спина' → плато, плоскогорье, возвышенность: *Акъ сырт* 'белая возвышенность'; *Айдарукъ сырты* 'возвышенность Айдарука' (букв. спина Айдарука; Айдарукъ — собств. имя); *тиш* 'зуб': *Бурунгу тиш* 'древний перевал' (букв. древний зуб).

Периферийную зону концепта *тау* составили компоненты *таулу* 'горец' (в значении 'балкарец'), *таулулукъ* 'горскость'. В основе эндонимима *таулу* лежит, на наш взгляд, признание карачаевцами и балкарцами значимости гор в их жизнедеятельности, что отразилось в таких понятиях, как *таулу халкъ* 'горский народ', *таулу адет* 'горский обычай', *таулу намыс* 'горский свод морально-нравственных норм поведения', *таулу тил* 'горский язык' (в значении 'родной язык'), *таулу къылыкъ* 'горское поведение', *таулу жер* 'горская земля', *таулу юй* 'горский дом', *таулу эл* 'горное село', *таулулукъ* 'горскость'.

Лексема *таулулукъ* в толковом словаре карачаево-балкарского языка определена как 'снисходительность, снисхождение, непринципиальность'¹. На наш взгляд, данное толкование не передает глубину свойств, присущих карачаевцам и балкарцам, на формирование которых, безусловно, повлияло проживание издревле в горах.

В процессе анализа эмпирического материала выделены когнитивные признаки горы и ее элементов, репрезентированные лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, встречающимися в словарях, мифах, сказках, художественных произведениях, а также в повседневной речи карачаевцев и балкарцев:

— величина (видимые границы): *гигала* 'высокая гора', *алф тау* 'гигантская гора', *байкъама тау* 'могучая гора', *тауну тѣппеси кѣкге жете* (букв. макушка касается неба) 'очень высокая гора', *бийик-сырт тау* 'высокий хребет' (букв. гора с высокой спиной), *улуу тау* 'большая гора', *гитче тау* 'небольшая гора', *мухор тау* 'короткая гора';

— внешняя привлекательность: *Ариу тау* 'красивая гора', *нюр тау* 'лучезарная гора';

— возраст: *къарт тау* 'старая гора', *жаш тау* 'молодая гора', *Эм бурун тау* 'самая древняя гора';

— высота: карачаевцы, балкарцы свои поездки, переезды и т. д. в горную часть характеризуют как подъем наверх — *ѳрге*: *ѳрге барам* 'иду (еду) наверх', что зафиксировано и в поэзии: «ѳрге, жюрегим, ѳрге, ѳрге!»² 'Наверх, мое сердце, наверх, наверх';

— вытянутость горного рельефа: *тау тизгин* 'горный хребет', *тизгин таула* 'горная гряда', *тау сынжыр* 'горная цепь', *тюз тау* 'прямая гора';

— комфортное место: приведем фрагмент из сказки: Журавль жене рассказывает: «Мен Кавказ таулада ашха бай, турургъа кенг, хауасы салкъын, балала заяргъа алапат зер тафтым» 'Я нашел в кавказских горах богатое, широкое, с прохладным воздухом место, где можно завести детенышей'³;

— кормилица: *тау таулу ач этмез*, 'гора не оставит горца голодным'; *таулу адам къолуна къарамаз* 'горец не будет смотреть в чужую ладонь';

— побудитель к действиям: *тауда ѳсген таукел болур* 'выросший в горах будет решительным';

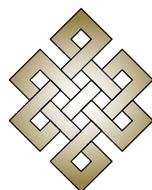
— место мечтаний: *умут тау башында, къадар имбашында* 'мечта на вершине горы, судьба на плече';

— наличие природных богатств: *Буу башы* 'оленья вершина', *Жыгыра сырт* 'тминная гора, возвышенность', *Къоргъашынлы тау* 'свинцовая гора', *Жюдюр сырты* 'ягодная возвышенность', *къуш тау* 'орлиная гора';

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужев. Ючтомлукъ. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. Т. III. С. 402.

² Кулиев Кайсын. Къаячыны жыры [Песня скалолаза] [Электронный ресурс] // Кайсын Кулиев. URL: <https://k-kuliev.ru/poem/poez/529-2011-10-05-08-17-15.html> (дата обращения: 16.08.2025).

³ Бизде зурнукла нек жашамайдыла? Свод карачаево-балкарского фольклора / отв. ред. Х. Х. Малкондуев. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка. С. 145.

- опасное место: *басар таугъа ёрлеме* ‘не поднимайся на гору, которая может обрушиться на тебя’;
- покатость, пологость: *тауну бети* (букв. лицо горы) ‘склон горы’, *тауну къабыргъасы* (букв. ребро горы) ‘склон горы’;
- пониженность в гребне горного хребта или между хребтами: *ыфчыкъ* ‘перевал’, *аууш* ‘перевал’, *ныхыт* ‘проход в скалистых горах’; *аууз* (букв. рот) ‘горный проход’, *бел* (букв. поясница) ‘горная гряда, горный хребет, перевал, седловина, проход в горах’ и др.¹;
- пространственный ориентир: *Тау арты* ‘Закавказье’; *тау аллы* ‘перед горой’;
- прочность: *Бадук-тау-тизгин* (*бадук* ‘крепкий, твердый’, *тау тизгин* ‘горный хребет’);
- расположенность по отношению к стороне света: *тауну кюннүм жаны* ‘южный склон горы’, *тауну чегет жаны* ‘северный склон горы’;
- цвет: *акъ тау* ‘белая гора’, *къара тау* ‘черная гора’;
- статичность: согласно мифам, гора Эльбрус была прибита Тейри к земле, чтобы не тряслась²;
- структурированность поверхности: *тау башы* (букв. голова горы) ‘горная вершина’, *тау тьюбю* (букв. низ, подошва горы) ‘низ горы’, *тау этек* (букв. подол горы) ‘подошва горы’, *мангылай* (букв. лоб горы) ‘передняя часть горы’, *тау аркъа* (букв. спина горы) ‘задняя часть горы’;
- форма: *таракъбаиш тау* ‘гребневидная гора’; *тагы* (букв. выступ) ‘гребень горы’; *таракъ* (букв. расческа) ‘гребень горы’, *сын* (букв. памятник, надгробье) ‘горный хребет, гребень, перевал’; *тиш* (букв. зуб) ‘гора, ее выступ, скалистая возвышенность’; *шиш* (букв. острие, вертел) ‘островерхая гора’, *Салынган тау* ‘висящая гора’, *Айры тау* ‘раздвоенная гора’, *дукъуш тау* ‘горбатая гора’;
- характер покрова: *буз тау* (букв. ледяная гора) ‘покрытая льдом гора’, *агъачлы тау* ‘лесистая гора’, *наратлы тау* ‘гора, покрытая сосновым лесом’, *Къарлы тау* ‘снежная гора’.

Таким образом, горная лексика состоит из языковых средств, производных от лексем *тау*, синонимичных апеллятивов, слов, обозначающих когнитивные признаки горы, отраженные в словицах, фольклорных, художественных произведениях, топонимах. Такое разнообразие репрезентантов обусловлено активной рефлексией горы в качестве существенного природного объекта в жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев.

Концепты-идеи (культурные смыслы)

В концепте *тау* в концентрированной форме содержится важная этнокультурная информация, объективирующая опыт взаимодействия карачаевцев и балкарцев с горами. С опорой на мифологические, этнографические источники нами выделены следующие культурные смыслы.

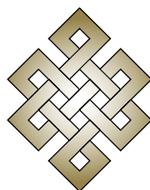
Сакральность. В. Н. Топоров относит гору к высшим ценностям, сакральным объектам, так как она «кратчайшим и надежнейшим образом связывает землю и человека с небом и Творцом, что произошло «в начале» во время творения» (Топоров, 2010b: 14). Восприятие горы не только как физического, но и как духовного объекта присуще многим культурам. «Гора, — отмечает Г. Ф. Благова, — воспринималась древними тюрками как природное связующее звено между землей и небом — в различных мифах саяно-алтайских тюркских народов считалось, что три сферы Вселенной может связывать “гора, упирающаяся в небеса”, “гора-господин”» (Благова 2006: 687). А. М. Сагалаев гору, дерево, реку, птицу рассматривает как основные символы, опорные элементы архаичного мироощущения, «создающие множество мифопорождающих ситуаций, генерирующие сказки, мифы и легенды, определяющие строй мифологического Космоса» (Сагалаев, 1991: 11; 27, 28).

Как пишет краевед В. Н. Котляров, «Кавказ, — географическая и мистическая точка, в которой объединяется начало и конец нынешнего человечества, место встречи положительных и отрицательных сил, Ось Мира»³. Сакрализация гор является особой частью культуры карачаевцев и балкарцев.

¹ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С.64.

² Къарачай-малкъар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев]/ отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 68.

³ Котляров В. Н. «Аненербе»: что искали гитлеровцы на Северном Кавказе. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2025. С. 24.

Гора для них — вертикальная линия, которая связывает небо и землю (ср.: в славянской космогонии «локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»; место обитания нечистой силы, совершения обрядов и т. п.»)¹.

Мы в одной из своих работ отмечаем, что

«у горца чрезвычайно обостренное отношение к сохранности своего культурного пространства, поскольку, помимо всего прочего, здесь сосредоточено множество сакральных объектов (священные камни, горы, деревья и т. д.). Граница представляется как самый напряженный участок пространства в силу своей удаленности от сакрального центра. Сделать свой мир непроницаемым для вторжения чужого, инородного — одна из форм онтологического, культурного самоутверждения для горца» (Башиева, Гелеева, Кучукова, 2011: 98).

Сакрализация горы в карачаево-балкарской мифологии связана с почитанием Тенгри (кар.-балк. *Тейри*), верховного небесного бога тюркских народов и всех божеств — *Жер Тейрису* (*Тейри* Земли), *Суу Тейрису* (*Тейри* Воды), *Кайнар Тейри* (*Тейри* Солнца), *Кёк Тейри* (*Тейри* Неба) (Ахматова, 2015), согласно локальным преданиям обитавшим на вершине Эльбруса (кар.-балк. название *Минги тау*), вершина которого доходит до неба:

«Минги тау бек бийик тауду — аны тёппеси кёкге тирелип турады. Ол себепден камсык жулдузчукъла, учуп келип, аны тегерегинде бугъумуч ойнаргъа суйгендиле»²

‘Минги тау — очень высокая гора. Ее вершина упирается в небо. Поэтому озорные звездочки прилетали, чтобы поиграть в прятки’³.

Одно из названий Эльбруса — *Тейри тау* ‘гора Тейри’. В Нартском эпосе *Тейри* представлен как творец всего сущего:

«Кюн Тейрису кюнню жаратханды. Жер Тейрису жерни жаратханды. Ючюнчюге тенгизле жаратылгъандыла. Кёк бла жер жаратылгъандан сора экисини ортасында адам улу жаратылгъанды... Кюн Тейрису тейрилени башыды, оноучусуду»⁴

‘Тейри солнца сотворил солнце. Тейри Земли сотворил землю. В третью очередь появились моря. После того как были сотворены небо и земля, между ними были сотворены люди... Тейри Солнца — глава, предводитель всех Тейри, держатель мира’⁵.

Тейри создал трехчастную вертикальную модель: в верхнем мире жили боги, в среднем — люди, в нижнем, на земле, — нарты (слуги *Тейри*). Все три мира окружены кольцом — «ограждающими горами» — *Къар таула* (Джуртубаев, 2011: 211), которые образовались, когда герой одной из сказок, которого преследовал черный жеребец, бросил на землю волшебный гребень и появились цепи гор: «*таракъ сынжыр таула болуп тизилди*» ‘гребень стал цепью выстроившихся гор’ (перевод С. К. Башиевой)⁶.

Таким образом, карачаевцы и балкарцы соотносят модель мира с горой как с вертикальной линией, объединяющей землю и небо. Речь идет о мировом дереве, которое, по мнению В. Н. Топорова, является образом «некоей универсальной концепции, которая в течение длительного времени определяла модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света» (Топоров, 2010а: 67), поэтому синонимичные понятия «мировое дерево», «космическое дерево», «небесное дерево» и др. заняли прочное место в мифологических практиках.

Сакральность горы в мифологическом сознании карачаевцев и балкарцев обусловлена и тем, что *тау* является матерью-прародительницей, роль которой отведена *Уллу тау* (букв. большая гора) — целительнице, исполнительнице желаний. К ней в прошлом на поклон ходили бездетные женщины. Чудодействие горы связывают с Умай бийче.

¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. А–Г. С. 520.

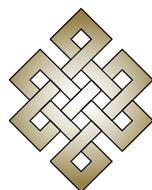
² Малкъар халкъ жомакъла [Балкарские народные сказки] / сост. М. Я. Гузиева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 3.

³ Перевод наш. — *Авт.*

⁴ Къарачай-малкъар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 68.

⁵ Перевод Т. М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой. См.: Къарачай-малкъар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 302.

⁶ Малкъар халкъ жомакъла [Балкарские народные сказки] / сост. М. Я. Гузиева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 3.

М. Ч. Джуртубаев пишет:

«Культ богини Умай был известен древним тюркам (тюркютам), она упоминается в енисейско-орхонских рунических надписях (VI–VIII вв.). Представления о богине-покровительнице материнства и детей сохранились у хакасов — Ымай-ине, у тюрков Саяно-Алтая: телеуты называют ее Май-энэ, кумандинцы — Ымай-энэ, или Пай ана (пай ана — «богиня-мать», или «святая мать» — М. Д.), качинцы — Ымай-энэ, шорцы — Умай-энэ» (Джуртубаев, 2011: 93).

А. М. Сагалаев объясняет однородность образа богини-матери ее «основной, жизнедеятельной функцией», особенно у этносов, расселенных на смежных территориях и связанных перекрещивающимися линиями этногенеза и историей культуры» (Сагалаев 1991: 52).

Кроме того, бездетные женщины поклонялись *Байрым таи* — камню святой Марии, покровительницы материнства, приносили к нему *хычины* — тонкие пироги с начинкой.

Вечность. По мифологическим представлениям карачаевцев и балкарцев, у гор бесконечная жизнь, так как они прибиты к земле и независимы от времени.

Приведем фрагмент из сказания «Тейриле бла нартла» («Тейри и нарты»):

«Ала жерни жаратханда, жер кьалтырауукъ, тенгизле чайкьантылы, толкьунлу болгьандыла. Нарт улулары, баш уруп, Тейрилеге жети жылыны жилигьандыла, айтхандыла: Жерни жаратхансыз — кьалтыратмагьыз, Суулары болдургьансыз — чайпалатмагьыз! — деп тилегенлеринде. Кьайнар Тейри, таулары жаратып, жерге чюйле этип ургьанды»¹.

‘Когда Кайнар Тейри вместе с Тейри Земли сотворил землю, земля все время дрожала, а моря волновались. Племя нартов, поклоняясь Тейри, семь лет плакало и молило: Землю сотворили вы — не сотрясите ее. Воды явили вы — не волнуйте. И тогда Кайнар Тейри создал горы и, как клинья, вбил их в землю»².

Источник здоровья. На вершине Эльбруса благодаря роднику бессмертия «Минги-суу», охраняемому *кьара кьузгун* ‘черным вороном’, окреп нартский герой Карашауай:

«Айтыгьа кёре, Минги тауну тёпсесинде, бугьейле ичинде дарман шаудан барды. Жайны чиллесинде аны тегерегинде кём-кёк кьыдык чыгьады. Ол кезиуде Гемуда ол шауданга барып, андан ичип, аны тегерегинде отлап, бир кьауум кюн турады. Сора андан кете тебирегенинде, ол дарман суудан элтип, Кьарашауайгьа да ичиреди. Алай бла, ала экиси да, кьарт болмай, не ёлмей, Минги тауну тийресинде жашайдыла»³.

‘Рассказывают, что на вершине Минги тау, среди расщелин ледников, есть родник с целебной водой. В летний зной вокруг него вырастает сочная зеленая трава. И в это время Гемуда⁴ приходит к этому роднику, пьет оттуда воду и несколько дней пасется вокруг него. А когда уходит оттуда, берет воду и поит целебной водой и Карашауая. Вот поэтому они не стареют и не умирают и поныне живут в окрестностях Минги тау»⁵.

Полагаем, что речь идет о нарзане — напитке нартов. Одно из имен Эльбруса *Сау этген тау* ‘вылечивающая гора’. Отношение к здоровью, отраженное в мифе, — устойчивая мотивация для живущих в горах. Сообразно с возможностями горного ландшафта большую популярность в последние десятилетия приобрели альпинизм, туризм, лечение астмы, аллергии в Приэльбрусье и т. д.

Пристанище нечистой силы. В мифологии к горам наблюдается двоякое отношение: с одной стороны, как отмечено выше, на их вершинах обитали боги, а с другой — «гора относилась к неосвоенному и враждебному человеку пространству, вследствие чего она являлась локусом обитания принадлежащих к царству смерти злых духов» (Сефербеков, 2015: 18), что подтверждается наличием топонимов *Джинтау* (букв. гора джинов) — хребет в междуречье Малой Лабы и Большой Лабы, *Шайтан-тау* (букв. гора шайтанов) — гора между аулами Учкулан и Карт-Джурт, *Джиннатпадчах тау* ‘гора царя злого духа’ (одно из народных названий г. Эльбрус).

Душа народа. Горы в первую очередь — это территория, на которой сформировался карачаево-балкарский этнос.

¹ Кьарачай-малкьар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 68.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 212.

⁴ Волшебный конь.

⁵ Кьарачай-малкьар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 302.

М. Ч. Залиханов отмечает, что

«следы пребывания человека в Приэльбрусье уходят в глубь веков, к доисторическим временам. В пещерах Эльбруса сохранились рунические письмена и захоронения с языческих времён. Сохранились и памятники в виде отдельных каменных изваяний тюркских народов» (Залиханов, 2020: 665).

Выше мы отметили, что *таулу* 'горец, балкарец' — компонент периферии анализируемого концепта — является эндоэтнонимом, который репрезентирован в пословицах *тау бла таулу джан бла тён-гек* 'гора и горец — душа и тело', *таулу жаны тауда* 'душа горца на горе', в художественной литературе. В 1910 году поэт Кязим Мечиев, будучи в Дамаске, выразил свою привязанность к родным горам стихотворной строкой, обращаясь к Аллаху:

«Мен факъырны таш окъуна эт, Аллах! Алай туугъан от жагъама элт, Аллах! ... Къайытар, Аллах, къайытар сен тауларыма»¹ 'Лучше в камень меня преврати, Аллах... Но остаться не дай на чужбине, Возврати меня, возврати, Аллах, к моим горам'².

«...К родине привязанный навек, всегда гордился тем, что горец я»³, — писал в 1942 г., будучи на фронте, поэт Кайсын Кулиев.

Карачаево-балкарское название «Минги тау» (Эльбрус) носят газета в г. Карачаевске, литературно-художественный журнал в Кабардино-Балкарской Республике, коммерческие предприятия, народный ансамбль. Имя горы Уллу-Тау присвоено одному из альпинистских лагерей.

Таким образом, концепт *тау* включает важные этнокультурные смыслы, отражающие специфику восприятия и оценки горы сквозь оптику самих горцев, в представлениях которых горы не только природные объекты, но и основа здоровья, пристанище духов, феномены сакрализации, связанные с высшим миром, душа народа.

Концепт «тау» как социальный регулятор

Суровые природно-климатические условия в горах оказали влияние на мировоззрение карачаевцев и балкарцев, специфику взаимодействия их с окружающим миром, так как необходимо было придерживаться определенных правил, чтобы избежать опасностей. Это охватывало все сферы жизнедеятельности горцев — традиционный быт, отношения между людьми, отношения с природой, модели поведения, гостеприимство и т. д. Социально-регулятивные механизмы в горах зависели от многих факторов. В качестве таких инструментов выступали, как правило, укоренившиеся правила, нормы поведения, которые передавались из поколения в поколения. Все сферы жизнедеятельности карачаевцев и балкарцев были регламентированы в этическом кодексе «Ёзден адет»⁴, в котором нашли отражение нравственные основы взаимной ответственности членов этнического коллектива: уважение старших, отношение к старикам, родителям, детям, природе, скромность, доброжелательность, милосердие, терпимость, гостеприимство и др.

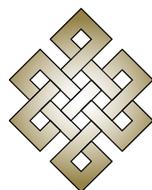
Выше, при рассмотрении вербализаторов горы, нами было обращено внимание на два слова *таулу* 'горец' (эндоэтноним), *таулулукъ* 'горскость'. Как утверждает М. Ч. Шогенова, «самоназвание народа — вербальный способ номинации и самопрезентации этноса, мощное средство воплощения когнитивной этничности и отражения специфики ментального мышления той или иной этнической группы» (Шогенова, 2015: 212). По ее мнению, «этнокультурный образ балкарского народа, воплощенный в эндоэтнониме *таулу*, ассоциируется с непоколебимостью и мощью, твердостью и устойчивостью гор, которые и являются источником самоопределения» (там же: 212). Речь идет о таких качествах горцев, зафиксированных в пословицах и поговорках, как открытость: *таулу суйген* — *туура сёз* 'горец любит открытую речь'; трудолюбие: *таулу кьолу* — *жауур* 'руки горца в мозолях', *жети жылы толгъан таулу атны жюгенин иймез* 'семилетний горец крепко будет держать поводья лошади'; решительность: *тауда ёсген таукел болур* 'росший в горах решителен'; гостеприимство: *таулу кеси ач болса да, къонакъларын*

¹ Мечиев Кязим. Назмула бла поэмала [Стихотворения и поэмы]. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 25.

² Подстрочный наш. — Авт.

³ Кулиев Кайсын. Всегда гордился тем, что горец я [Электронный ресурс] // Кайсын Кулиев. URL: <https://k-kuliev.ru/poem/izvoen/408-2011-10-04-07-26-53.html> (дата обращения: 16.08.2025). Перевод Н. Тихонова.

⁴ Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005.

ач этмез 'горец сам не поест, но гостей накормит'; почитание памяти предков: *жети атасын билген — таулугъа тѳреди* 'знание имен предков до седьмого поколения — закон'; достоинство: *таулу ачдан ѳле турсада, садакъа тилемез* 'горец не попросит милостыню, умирая от голода'¹.

Если в эндотнотиме *таулу* отражено самоощущение карачаевцев и балкарцев, то в понятии *таулулукъ* в значении 'горскость' воплощена совокупность свойств, присущих карачаевцам и балкарцам, — гостеприимство, терпение, радушие, милосердие, доброжелательность, готовность помочь и т. д. Устойчивая фраза *таулулукъ эт* 'покажи горскость' предполагает не проявление снисхождения, непринципиальности, а следование нормам поведения человека, живущего в горах.

Горный ландшафт в силу своего разнообразия всегда был открыт для хозяйственной деятельности, связанной с традициями организации жизни в нелегких условиях. Основным ее видом являлось животноводство: содержание и разведение домашнего скота, получение и производство продуктов питания (мясо, молоко, айран, масло, сметана) для собственных нужд и продажи; окот, стрижка овец, перегон скота весной на летние пастбища (*жайлыкъла*), осенью — на зимние стойбища (*стауатла, къышлыкъла*) и т. д. С животноводством были связаны кустарные промыслы — изготовление из шерсти узорных кийизов — войлочных ковров, одежды с орнаментом с сакрально-культовой горной тематикой, чаще всего с рогами горного козла, барана, ткачество, выделка кожи, из которой шили *чабырла* — рабочую мужскую обувь, адаптированную для ношения в горной местности.

Актуальным родом занятий было кузнечное ремесло, так как в горах было много руды с железом, медью, золотом и другими полезными ископаемыми. Его покровителем в карчаево-балкарской мифологии был нарт Дебет. Он имел свою кузницу на горе Тырмы Тау 'горе с трещиной'². Обработка металла нашла отражение в преданиях «Тейриле бла нартла» («Тейри и нарты»), «Нарт Дебетни туугъаны» («Рождение нарта Дебета»), «Ёрюзмекни туугъаны» («Рождение Ёрюзмека»), «Как Ёрюзмек сражался на небе с Фуком» и др.)³:

— «Нарт Дебет таулагъа темир ташла жыяргъа кетгенди» 'Нарт Дебет ушел в горы за железными камнями';

— «Темирчи Дебет а ол кѳкден тюшген ташны эки сыныгъын да эритип, темир этгенди» 'Кузнец Дебет из переплавленных осколков упавшего с неба камня изготовил железо';

— «Андан битеу нартха айтылгъан къулач-къулач созулгъан сырпынны ишлеп, нарт Ёрюзмекге нартланы жаулары Кызыл Фук бла сермеширге бергенди» 'Потом изготовил известный всем нартам меч для того, чтобы сразиться с врагом нартом — Красным Фуком';

— «Темирчи Дебет ол кѳк темирни къалгъанын а нартлагъа сырпынла, садакъла эм башха сауутла этгенде, андан бир азын жер темирге къошуп болгъанды» 'Кузнец Дебет из оставшихся кусков небесного камня изготовил стрелы и другое оружие'⁴.

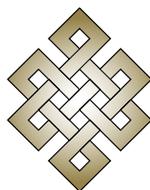
Важными и традиционными действиями горцев были мероприятия, посвященные **культу гор**. Отношение к горам в первую очередь было обусловлено тем, что они были местом обитания богов. Например, по представлениям карачаевцев и балкарцев, локацией пантеона *Тейри*, создателя Вселенной, являлся Эльбрус — *Минги тау* (кар.-балк.) 'вечная гора'. Флора, фауна находились под покровительством божества растительного мира Эрирея, божества плодородия, громовержца Чоппы, божества земледелия и урожая Голлу, божества охоты Абсаты, божества животного мира Аймуша. Им и Тейри посвящались обрядовые мероприятия, чтобы умилостивить их: *Тейриге табыныу* 'поклонение Тейри', *Чоппагъа барыу* 'паломничество к Чоппе', *Голлугъа барыу* 'паломничество к Голлу' и др. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии несколько географических объектов носят имена Тейри и божеств: *Тейри тубю* — местность близ урочища Шканты в бассейне р. Черек-Балкарский, *Абсаты* — местность с каменным изображением божества охоты в урочище Тууз-Сырт (Чегемское ущелье Кабардино-Балкарской Республики), у которых совершались ритуальные мероприятия (Хапаев, 2013: 99, 100, 343).

¹ Къарачай-малкъар нарт сѳзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. М. Табаксоев. Нальчик: Эльбрус, 2018; Къарачай-малкъар нарт сѳзле [Карачаево-балкарские пословицы] / сост. Х. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005; Балкарские пословицы и поговорки / сост. А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982.

² Къарачай-малкъар нарт эпос [Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев] / отв. редактор А. И. Алиева. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 70.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 74.

Сакральными объектами являются также *кешенеле* ‘склепы’ в с. Эль-тюбю Чегемского района, *Чоппаны-ташы* ‘камень Чоппы’ у аула Учкулан, *Мамукъ таш* ‘ватный камень’ в Безенгиевском ущелье, *Кёк таш* ‘небесный камень’ в с. Хулам, *Къадау таш* ‘камень особой прочности’ (досл. замок-камень) в Карачае, сторожевые башни *Абай-Кала* и *Амирхан-Кала* в с. Верхняя Балкария Черекского района, сакральными центрами, местами паломничества в горах были также деревья *Раубазы* в Балкарии, *Журтда жангыз Терек* ‘одинокое дерево’ в Карачае.

Хозяйственная жизнь карачаевцев и балкарцев сопровождалась различными народными праздниками, в числе которых особое место занимают аграрные праздники и связанные с ними ритуалы. Они сопровождались жертвоприношением барана или быка, черепа которых впоследствии вешали на заборах как обереги, а также состязаниями в стрельбе, метании камня, влезании на столб, намазанный маслом, скачками ‘*ат чаришле*’, которые начинались нартами, как отмечает М. Ч. Джуртубаев, «от Алапа тау» (Джуртубаев, 2011: 648) и т. д.

Обратимся к некоторым из них.

Сабан той (*сабан* ‘пашня’, *той* ‘праздник’) в честь первой пахоты начинался на солнечной стороне местности ‘*кюннүм жанында*’. Возвещал о празднике *жашил байракъ* ‘зеленый флаг’, символ пробуждения природы. Мероприятие начиналось с обращения старейшины общины к Тейри: «Бек битсинле сабанла. Башларына къол жетмезча, тюбю бла жилин ётмезча. Пусть пашни расцветут, чтобы рукой не дотянуться до их верхушек, чтобы под ними змея не смогла проползти!»¹ Праздник завершали жертвоприношением быка, чтением молитв, исполнением обрядовой песни «Сабанчыны жыры» ‘Песня пахаря’².

Праздник *Голлу* ‘встреча весны’. Он длился семь дней. Первый день начинали исполнением песни в честь Голлу — покровителя земледелия и урожая, благопожеланиями, обрядовым танцем урожая *Голлу*. В Чегемском ущелье был актуален другой танец «Гутан» (от глагола *кзутлан* ‘осчастливиться, получить благодать’, см.: Кетенчиев, Аппоев, 2023: 134). Завершался праздник на седьмой день поминками по умершим родственникам и жертвоприношением, а также различными соревнованиями, плясками. Поздней осенью после уборки урожая, перегона скота с летних пастбищ на зимние, устраивали праздник с обрядом *Озай*, напоминающим колядки, «с подворным обходом детьми, которые собирали угощение и произносили слова благопожелания» (Кетенчиев, Аппоев, 2023: 135). Как отмечает А. М. Сарбашева, «календарный обряд “Озай” на определенном этапе развития утратил функциональное содержание и превратился в развлекательную игру молодежи, ... весенне-обрядовый праздник “Голлу” постепенно трансформируется в родовой свадебный обряд» (Сарбашева, 2009: 19).

С аграрными праздниками связаны и другие ритуальные действия, например, *малланы таугъа кёчюрген* ‘перегон скота на летнее пастбище’ по традиции в конце мая. Важно было сохранить поголовье от волков, поэтому приносили в жертву первого ягненка для умиловивления Апсаты, покровителя диких животных. Также отмечали *биченнге чыкъгъан* ‘праздник сенокоса’, который начинался с имитации косьбы. При засухе проводили обряд *жауун тилеген* ‘вымаливание дождя’, во время которого жители, обращаясь к громовержцу Чоппе, били по металлическим емкостям, пели песню «Чоппа», стреляли в небо, молились, приносили в жертву откормленного быка, чтобы смягчить покровителя, обливали друг друга водой.

Благодаря опыту позитивного сосуществования с горами карачаевцы и балкарцы сохраняли этническую культуру с ее сакральными компонентами, направленными на бережное отношение к ландшафту. Природоохранительная практика была связана с культом божества Абсаты. Охота в горах «была своеобразным единоборством с суровой природой гор, связанным с большим риском, поэтому наиболее искусные охотники становились в народном восприятии героями, о них складывали песни»³, обращались к Абсаты со словами: «Бог ты всемогущий, мы будем молиться, Чтобы одарил ты удачей стрелка»⁴. Но тех, кто истреблял горных туров ради наживы, по просьбе Абсаты, убивала молния: «Уччулукъ бла кийиклени кеп жаралы этгенни уучуну шибля ийип ёлтюргендиле» ‘Охотника, ранившего много туров, убивала молния’, а раненых животных божество лечило само⁵.

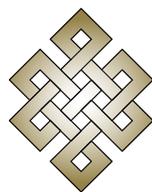
¹ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 235.

² Там же. С. 235.

³ Песни народов Северного Кавказа / вступ. ст., сост. и примеч. К. Кулиева и Н. Джусойты; ред. поэт. переводов Г. Регистана. Ленинград: Советский писатель. Ленинградское издание, 1976. С. 16.

⁴ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия / сост., автор вступ. ст. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 235.

⁵ Там же. С. 67.

В качестве механизма управления отношением людей к животным были актуальны строгие запреты 'ырысла', например, нельзя было бить домашних животных (*аланы тиллери жокъду, тарыгъыргъа* 'они не владеют речью, чтобы пожаловаться'), убивать сову, лягушку, ласточку и т. д.¹

В регуляции общественной жизни важное место занимало обычное право, возникшее в социальной практике «как следствие самоорганизации общества»². К нарушителям применяли такие меры порицания, как проклятие у родника позора '*налат шаудан*' (*налат* 'проклятие'), привязывание к камню позора '*налат таш*', столбу позора '*налат багъана*'. К ним мог подойти любой человек и высказать свое отношение к проступку.

Для трусливых мужчин, не принявших участие в обороне села в случае нападения неприятелей, был предусмотрен знамя позора из соломы '*салам байракъ*', которое оставляли у дома. В тяжких случаях (например, убийство, воровство) провинившихся выгоняли из общины. О действенности такого обычая наказания говорят пословицы: *Халкъ налат берсе — кёк титирер* 'Когда прокликает народ, содрогается небо'; *Халкъны ачы налаты жетеуленге жюкленир: мурдаргъа бла сатлыкъгъа, артыкълыкъ этгенге бла жалгъан даучугъа* 'Проклятие народа постигнет убийцу, предателя, насильника и клеветника'³.

Общины также обеспечивали организацию и проведение ритуалов, направленных на социализацию детей, укрепление семейных традиций: *сабийни бешикге салу* 'укладывание ребенка в колыбель', *биринчи атлам* 'первый шаг', *биринчи тиш* 'первый зуб', введение юноши во взрослую жизнь, которая начиналась на пастбище в горах.

Таким образом, система взаимодействия с горами карачаевцев и балкарцев включает комплекс обрядовых действий, сохранившихся в коллективном сознании этноса и отраженных в культуре.

Заключение

Согласно полученным результатам, гора как природный объект занимает в жизни карачаевцев и балкарцев важное место, о чем свидетельствует большой корпус репрезентативного материала, отражающего интегральные, дифференциальные, когнитивные признаки, универсальные, этнокультурные характеристики горы и широкого круга горных форм, представленные в лексических, паремиологических единицах, фольклорных, художественных текстах, концептах-идеях (сакральность, вечность, пристанище нечистой силы, источник здоровья).

В работе отмечены различные формы взаимодействия карачаевцев и балкарцев с горой, способы трансляции этнокультурного опыта, социальной регуляции поведения людей. Нормативные смыслы сконцентрированы в этическом кодексе «Езден адет», обычном праве, обрядах, традициях, природоохранных действиях, направленных на социализацию, приобщение к порядку общественной и хозяйственной жизни, нравственным ценностям детей с раннего возраста.

Исследование в рамках междисциплинарного подхода позволило обобщить, структурировать, осмыслить знания о горе, зафиксированные, хранящиеся в языке, фольклоре, народной философии карачаевцев и балкарцев, показать смысловую насыщенность, неоднородность концепта *тау* как этнокультурной константы, сложившейся в процессе длительного взаимодействия людей и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, М. К. (1992) Исторический очерк: Балкария. Нальчик : Эльбрус. 43 с.
- Агларов, М. А. (1984) Языческое святилище на вершине горы Бахарган // Мифология народов Дагестана: сборник статей / отв. ред. Ч. С. Юсупова. Махачкала : Издательство Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН. 187 с. С. 36–43.

¹ Там же. С. 29.

² Коркмазова, Л. Б. Историческая роль обычного права в системе социально-экономических, общественных отношений карачаевцев в XVIII — первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. С. 10.

³ Езден адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа / сост., предисл. и комм. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2005. С. 110.

Ахматова, М. А. (2015) Концепт «Гора» в карачаево-балкарском нартском эпосе // Современные проблемы науки и образования. Ч. 3. С. 68.

Батомункуева, С. Р. (2019) Культ гор в социокультурном пространстве // Chronos. № 9 (36). С. 46–49.

Башиева, С. К., Бахтикиреева, У. М. (2025) Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации // Новые исследования Тувы. № 2. С. 280–289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Башиева, С. К., Геляева, А. И., Кучукова, З. А. (2011) Смыслы и образы пространства и времени в системе этнической идентичности // Философские науки. № S1. С. 87–107.

Бижера, З. Х., Макитова, Т. Т., Мокаева, И. Р. (2024) Лингвокультурный типаж «современный кавказский горец» // Казанская наука. № 10. С. 430–433.

Благова, Г. Ф. (2006) Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык — основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М. : Наука. 908 с. С. 660–765.

Джуртубаев, М. Ч. (2011) Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик : Эльбрус. 488 с.

Залиханов, М. Ч. (2020) Эльбрус и наука. 85 лет Высокогорному геофизическому институту Росгидромета и РАН. М. : Российская академия наук. 728 с.

Кетенчиев, М. Б., Аппоев, А. А. (2023) Названия танцев в карачаево-балкарском языке: этимологические этюды // Научная мысль Кавказа. № 1 (113). С. 131–137.

Кузнецов, В. А. (1962) Аланские племена Северного Кавказа. М. : Издательство Академии наук СССР. 137 с.

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Мусуков, Б. А., Улаков, М. З., Махиева, Л. Х. (2021) Лексико-семантические и синтагматические особенности тюркских географических названий и апеллятивных лексем // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 4 (102). С. 80–89.

Потапов, Л. П. (1946) Культ гор на Алтае // Советская этнография. № 2. С. 145–160.

Сагалаев, А. М. (1991) Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 155 с.

Сарбашева, А. М. (2009) Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик : Издательство КБИГИ. 240 с.

Семенов, А. В. (2010) Горные святилища Тывы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. Вып. 4. С. 140–146.

Сефербеков, М. Р. (2015) Культ гор Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Т. 30. Вып. 4. С. 18–23.

Степанов, Ю. С. (1997) Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры. 824 с.

Топоров, В. Н. (2010a) Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 1. 448 с.

Топоров, В. Н. (2010b) Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 2. 496 с.

Хапаев, С. А. (2013) Географические названия Карачая и Балкарии. М. : ОО «КосмоПолиграф». 576 с.

Хуболов, С. М., Текуев, М. М., Ахматова, М. А. (2024) Структурно-семантические особенности образных выражений, характеризующих гору Эльбрус в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. Вып. 3. С. 918–923.

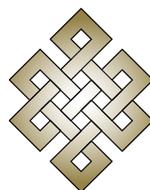
Шогенова, М. Ч. (2015) Этнокультурный образ языковой личности в эндоэтнонимах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (50). Ч. 3. С. 211–214.

Дата поступления: 03.11.2025 г.

Дата принятия: 11.12.2025 г.

REFERENCES

- Abaev, M. K. (1992) *Historical sketch: Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 43 p. (In Russ.)
- Aglarov, M. A. (1984) Pagan sanctuary on the top of Mount Bakhargan. In: Ch. S. Yusupova (ed.) *Mythology of the peoples of Dagestan: collection of articles*. Makhachkala, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Centre of RAS. 187 p. Pp. 36–43. (In Russ.)

Akhmatova, M. A. (2015) The concept "Mountain" in the Karachay-Balkar Nart epic. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, part 3, p. 68. (In Russ.)

Batomunkueva, S. R. (2019) The cult of mountains in the socio-cultural space. *Chronos*, no. 9 (36), pp. 46–49. (In Russ.)

Bashieva, S. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2025) Karachay-Balkar toponymy as a means of cumulation and preservation of ethnocultural information. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 280–289. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Bashieva, S. K., Gelyaeva, A. I. and Kuchukova, Z. A. (2011) Meanings and images of space and time in the system of ethnic identity. *Filosofskie nauki*, no. S1, pp. 87–107. (In Russ.)

Bizheva, Z. Kh., Makitova, T. T. and Mokaeva, I. R. (2024) Linguocultural type "modern Caucasian mountaineer". *Kazan-skaya nauka*, no. 10, pp. 430–433. (In Russ.)

Blagova, G. F. (2006) The anthroponymic system as a projection of the cosmological and social views of the Proto-Turks. In: E. R. Tenishev and A. V. Dybo (eds) *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language – the basis. The worldview of the Proto-Turkic ethnoses according to linguistic data*. Moscow, Nauka. 908 p. Pp. 660–765. (In Russ.)

Dzhurtubaev, M. Ch. (2011) *Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of the Balkars and Karachays. Karachay-Balkar heroic epic*. Nalchik, Elbrus. 488 p. (In Russ.)

Zalikhhanov, M. Ch. (2020) *Elbrus and science. 85 years of the High-Mountain Geophysical Institute of Roshydromet and RAS*. Moscow, Russian Academy of Sciences. 728 p. (In Russ.)

Ketenchiev, M. B. and Appoev, A. A. (2023) Names of dances in the Karachay-Balkar language: etymological studies. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, no. 1(113), pp. 131–137. (In Russ.)

Kuznetsov, V. A. (1962) *Alan tribes of the North Caucasus*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 137 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Musukov, B. A., Ulakov, M. Z. and Makhieva, L. Kh. (2021) Lexico-semantic and syntagmatic features of Turkic geographical names and appellative lexemes. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4 (102), pp. 80–89. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1946) The cult of mountains in Altai. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 145–160. (In Russ.)

Sagalaev, A. M. (1991) *Ural–Altaic mythology. Symbol and archetype*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 155 p. (In Russ.)

Sarbashyeva, A. M. (2009) *Balkar drama: ethnofolklore tradition and evolution of the genre*. Nalchik, KBIHI Publishing House. 240 p. (In Russ.)

Semenov, A. V. (2010) Mountain sanctuaries of Tuva. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*, issue 4, pp. 140–146. (In Russ.)

Seferbekov, M. R. (2015) The cult of Caucasian mountains. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 30, issue 4, pp. 18–23. (In Russ.)

Stepanov, Yu. S. (1997) *Constants: a dictionary of Russian culture. Research essay*. Moscow, Yazyki russkoy kultury. 824 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. (2010a) *The world tree: Universal sign complexes*: in 2 vol. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. Vol. 1. 448 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. (2010b) *The world tree: Universal sign complexes*: in 2 vol. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. Vol. 2. 496 p. (In Russ.)

Khapaev, S. A. (2013) *Geographical names of Karachay and Balkaria*. Moscow, KosmoPoligraf. 576 p. (In Russ.)

Khubolov, S. M., Tekuev, M. M. and Akhmatova, M. A. (2024) Structural and semantic features of figurative expressions characterizing Mount Elbrus in the Karachay-Balkar language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 17, issue 3, pp. 918–923. (In Russ.)

Shogenova, M. Ch. (2015) Ethnocultural image of a linguistic personality in endoethnonyms. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8(50), part 3, pp. 211–214. (In Russ.)

Submission date: 03.11.2025.

Acceptance date: 11.12.2025.